

**МЕФДИЙ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для тёмного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Владимира Безкровного*
Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 **Стекланный страж** : [роман] / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Мефодий Буслаев.
Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-97378-1

Некоторые связи разорвать очень непросто! Пока у человека есть хоть что-то, принадлежащее Мраку, он не будет в безопасности. А у Мефодия до сих пор остались оскверненный меч Древнира и силы Квондона. Раз так, Лигул задумал получить если не эйдос, то хотя бы голову Буслаева. Зарубить Мефа, в доказательство своей лояльности, должен его старый учитель и лучший мечник Мрака. Или он лишится дочери... А разве сможет Арей пожертвовать Варварой?

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-699-97378-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Как только человека перестает ра-
довать живое, он становится мертвым.

Книга Мрака

Свету совсем не обязательно воз-
давать Мраку злом за зло. Достаточно
просто вернуть ему его же собственное
зло. Хотя бы десятую часть.

Книга Света

Всякое дело, совершенное с любо-
вью, живет и существует ВЕЧНО. Без
исключения. Даже если это просто са-
молетик, сделанный из бумаги, кото-
рый упал в пруд и у вас на глазах уто-
нул. Объяснить почему — не умею. Но
чувствую, что живет.

Ирка. Дневниковая запись

Глава 1

«РЕКЛАМНЫЙ ВЫЮНОША»

Свет дает все постепенно. Просишь яблоню — получаешь семечко. Прорастишь — вот она, твоя яблоня, благодарная твоим рукам и связанная с тобой навеки. Не прорастишь — тогда и взрослое дерево загубил бы, получи его сразу.

Эссиорх

Острое счастье — это когда после новогодней елки стоишь в очереди за подарком, а твоя пятнистая шуба из ненастоящего барана бежит по мозаичному полу пристегнутыми на резинки перчатками. Шлеп-шлеп! — красные перчатки бегут, широко расставляя пальцы. Кажется, что шуба переставляет смешные утиные ноги. Шлеп-шлеп! — бегут утиные ноги счастья.

Автобус остановился, и Меф, несильно боднув лбом стекло, проснулся. Последние дни ему часто

Дмитрий Емец

снилось детство. Сны всегда были яркие, радостные. После пробуждения они не смазывались, а надолго оставались в памяти. Просто бери кисть и пиши.

Сны приходили к Мефу не только ночью, но и всякий раз, когда он случайно засыпал. Как-то это случилось на ящиках в «Пельмене», куда он присел на пять минут, дожидаясь, пока Маркелов сообразит, почему не запускается лента погрузчика. Не запускалась же она потому, что между вращавшими ее зубцами Памирджанов хранил свое ведро с дезинфицирующим раствором, которое в любом другом месте моментально переворачивали.

Двери с шипением открылись. Салон засуетился, зашумел и стал опустошаться. Зевая, Буслаев вышел из автобуса.

Пригородный гипермаркет походил на гигантскую коробку. Вокруг застраивался микрорайон. Громадные краны поворачивались медленно и ритмично, как ключики в заводных игрушках.

Меф стоял на асфальтовом поле, расчерченном на множество одинаковых клеток. Это были бесконечные парковки, отгороженные друг от друга рядами молодых одновозрастных березок. Вид березки имели солдатский и весьма бравый.

Меф уже с месяц собирался купить удобную сумку через плечо и подарок матери на день рождения, и вот сегодня все к этому располагало.

Кроме зарплаты выдали неожиданную надбавку, и получилось, что жизнь отрезала щедрый ломоть бытового счастья.

Дафны с Мефом не было. Хотя Буслаев и просил, чтобы их всегда ставили вместе, смены регулярно «разъезжались». Сегодня Даф работала в «Пельмене», где вокруг наверняка приплясывал назойливый Памирджанов, для которого слово «нет» было бессмысленным сочетанием трех не вошедших в алфавит буковок. Зато когда смены Мефа и Памирджанова совпадали, Памирджанов запирался в туалете. Хоть он и плохо понимал слово «нет», зато хорошо соображал, что такое левой в печень, а правой в солнышко. Или двойное солнышко с левой — тоже пробивает на ура.

С Дафной у Мефа все было хорошо. Даже пу- гающе отлично. Правда, все эти полтора месяца, прошедшие после сплава по Сереже, он ощущал хрупкость и непрочность их счастья. Ему казалось, счастье взято у кого-то взаймы и этот кто-то вот-вот подойдет и многозначительно кашлянет, напоминая, что пора возвращать долг. Это чувство — хрупкости и непрочности — отравляло радость, но оно же делало ее светлой и пронзительной.

— Только бы тебя у меня не украли! — сказала позавчера Даф и сама, казалось, испугалась своих слов.

Дмитрий Емец

— Меня у тебя? — не понял Меф. — И как меня украдут? По башке, в мешок — и на органы?

Дафна посмотрела на него с укором. Буслаев обожал говорить шокирующие вещи. Точнее, пытался, потому что человек способен огорчить стража Света только своей глупостью и неискоренимым желанием навредить самому себе.

Не желая продолжать тему, Дафна наклонилась и подняла с асфальта красный кленовый лист:

— Заметил? Кленовый лист похож на человеческую ладонь. У него тоже пять пальцев и много жилок.

— Что, правда? — усомнился Меф.

Некоторое время он разглядывал кленовый лист, придирчиво сравнивая его с рукой Дафны, даже наложил лист на ладонь, после чего уверенно сказал:

— Твоя симпатичнее! Если бы вместо рук у тебя торчали листья — мне это нравилось бы значительно меньше. Опять же опадающие осенью руки — это как в фильме ужасов. Идешь — повсюду руки валяются. Брр!

Даф вздохнула. Надо смотреть на вещи трезво. Все-таки Меф не романтик. От романтика у него только длинные волосы и способность влипнуть в истории.

Буслаев вошел в гипермаркет и был сразу затоплен ярким светом, громкой музыкой, мелькав-

шими на мониторах картинками и деловитыми щелчками кассовых клавиатур. Полки уходили в бесконечность.

Это было настоящее царство Бессмертника Кощеева, который отморозил копчик, сидя на сундуках с золотом, и надумал наконец пустить денежки в дело. Здесь можно было купить все, за исключением, наверное, самолета. Но если очень постараться, то можно было купить и самолет.

Меф прошел через воротца и стал срезать, спеша миновать секции продуктов и поскорее оказаться в отделе сумок и рюкзаков. Странная закономерность: когда вещей вокруг слишком много, глаза не разбегаются, а, напротив, собираются в кучку и ничего не желают замечать.

Мельком Меф прикинул, хотел бы он, чтобы все эти вещи стали его собственностью, и понял, что скорее нет, чем да. Пиковое счастье — это поздний вечер накануне дня рождения, когда засыпаешь, зная, что утром будут подарки, но еще не получил их.

Если человеку дать все, о чем он мечтает — сразу, внезапно, ни за что, — то он наверняка зареет это и предпочтет мечтать заново. Сбывшиеся мечты — это тупик, вроде глухой стены в дальней части магазина. Обратного пути — скучно, вперед идти — некуда.

Дмитрий Емец

Проходя через отдел курток, Мефодий увидел знакомую фигуру. Знакома она была уже тем, что со спины напоминала грушу: мягкая в плечах, к тазу она плавно расширялась. Время от времени обладатель мягкой спины останавливался и, глядя в сторону, будто случайно касался то одной, то другой куртки.

Убедившись, что к знакомой спине и голова приставлена знакомая, Мефодий подкрался и хлопнул Ромасюсика по плечу.

Шоколадный юноша — а это действительно был он — по-девичьи вскрикнул, подпрыгнул от неожиданности, что-то уронил и тотчас наступил на это ногой. Меф успел увидеть открытый нож-бабочку с лезвием не длиннее безымянного пальца.

— Фуй! Как ты меня напугал! Буслаев, чего ты вечно подкрадываешься, как кошка? — набросился Ромасюсик на Мефа.

— Зачем тебе нож?

— Да так, — сказал Ромасюсик, быстро наклоняясь и поднимая его.

Рассмотрев одну из курток, Меф обнаружил, что она прорезана насквозь, включая подкладку.

— Гадишь? — спросил Меф.

Ромасюсик застенчиво свел вместе ручки и показал пальчиками расстояние сантиметров в пять.

— Совсем чуточку! — произнес он тоном барышни, которая признается, что вчера без спросу взяла у дедушки вишенку.

— Зачем?

Ромасюсик сам не знал, почему он гадит. Видимо, сам вопрос «зачем?», заданный себе вовремя, уменьшает количество дурости в десять раз.

Из отдела курток они попали в отдел сумок. Ромасюсик топтался рядом, лез с советами и уходить никуда не собирался. Меф не мог ничего выдать и злился на себя, жалея, что подошел к нему. Пару раз у него возникала мысль, что встреча не случайна. В болтающихся без дела Ромасюсиков он не верил, даже если они и решили чуток погадить для души.

Наконец Меф выбрал сумку с большим количеством отделений и удобными карманами. Сумка была хороша всем, кроме цвета — огненно-рыжего. Меф же любил красный и синий.

— Как поживает Прасковья? — спросил Меф.

— О! О! О! — ответил Ромасюсик, вскидывая глазки к потолку.

Видимо, у него не было слов, как именно поживает Праша.

— Ясно, — сказал Меф.

— Ничего тебе не ясно! — заявил Ромасюсик и принялся жаловаться, как ему тяжело с Прасковьей.

Дмитрий Емец

Есть, мол, незгоисты. Есть эгоисты ситуативные, которые хотя бы пытаются с собой бороться. Бывают эгоисты торгующиеся, любящие честный паритет (ты мне — я тебе). И, наконец, существуют эгоисты до такой степени, что вообще не понимают своего эгоизма. Они привыкли, что солнце светит для них, и реки текут для них, и ветер дует для них. Человек, зараженный таким вирусом, всегда считает, что все ему всем обязаны, он же не обязан никому и ничем. Лигул взрастил из Прасковьи именно такую эгоистку. И он, бедняга Ромасюсик, с ней мучается!

— А ты не эгоист? — спросил Меф.

Ромасюсик скромно потупился:

— Обижаешь! Я один сын у мамочки! Как я могу не быть эгоистом?

— Я тоже один сын у мамочки, — сказал Меф задумчиво.

Услышав об этом, Ромасюсик полез обниматься и пожимать ему руку. Затем вдруг склонил головку набок, сделавшись похожим на толстую птичку:

— Ей что-нибудь передать?

— Праше?

— Да!

— Передавай привет!

— И все? — спросил Ромасюсик разочарованно.

— Все!

— Ну хотя бы большой привет?

Меф мысленно застонал. Он безошибочно ощутил, что большой привет Ромасюсик раздует до размера гигантского.

— Передавай средний привет! — сказал он.

— А большой, значит, не передавать?

— Большой будет на Новый год.

Ромасюсик заинтересовался. Для опытного сплетника это была ценная деталь. Мощное оружие.

— Значит, сказать Праше, что ты напрашиваешься к ней на Новый год? Так, да?

— Слушай, сгинь, а?! — вспыхнул Меф.

Шоколадный юноша даже не попытался оскорбиться. Обижалка включалась у него только тогда, когда это было ему выгодно. Да и плюнуть в душу ему было невозможно по причине отсутствия объекта приложения слюны.

— А сам еще здороваться подошел, бяка ты такая! Ну прощевай тогда! Погоуил я: Праша вэйтить не лайкит!

Перед тем как попрощаться с Мефом, Ромасюсик долго обнимал его как старого друга. Меф вынужден был даже хлопнуть его ладонью по почкам, чтобы нежность ходячей шоколадки немного ослабела.

Избавившись от Ромасюсика, Буслаев отправился выбирать подарок матери. В конце кон-